

Либеральная идеология Александра II реформ и российский цивилизационный контекст

Реформы Александра II были побуждены существенным завышением в российском обществе масштабов поражения в Крымской кампании. Недооценивался тот факт, что Российская империя достойно противостояла в течение трех лет объединенным силам ведущих стран Запада. Реформирование было в значительной степени определено кризисом имперского сознания. Невыигранная война — и как результат — синдром непобедимости стремительно трансформируется в комплекс неполноценности. Морально-психологический эффект поражения оказывался более весомым мотиватором реформ, чем рациональное диагностирование состояния государственного механизма.

Мировая капиталистическая конкуренция национальных экономик актуализировала угрозы военных экспансий. Угроза отставания мотивировала переход к реформам. Перед Российской империей встал вопрос о необходимости системной модернизации. Но проблема состояла в выборе модернизационной модели. Сравнительно низкая производительность труда в помещичьем и крестьянском хозяйствах, отсутствие сформировавшегося рынка свободной рабочей силы, отсутствие частного капитала определяли обращение к казавшемуся успешным опыту стран Западной Европы.

Выбор был сделан в пользу либеральной (с оговорками, характерными для либерализма XIX в.) модели развития. Поня-

тия «гласность» и «оттепель» прочно вошли в повседневный общественный лексикон. Царя окружила когорта либералов-реформаторов. Одним из основных программных концептов была идея децентрализации. Популярность среди элиты европейского образа жизни была фактором распространения либерально-западнических теорий. Группирующаяся вокруг ряда крупных журналов общественность обеспечивала соответствующую шумовую поддержку реформ. Восторженно приветствовал Александра II из Лондона герценовский «Колокол». «Мы, — декларировал А. И. Герцен, — идем с тем, кто освобождает и пока он освобождает»³. Одобрительно отзывалась о реформах в России иностранная пресса. К ней новая российская власть выработала привычку прислушиваться. Ошибка заключалась в игнорировании при проведении реформ российской цивилизационной специфики.

Россия шла, казалось бы, в том же универсальном направлении, что и выбранные как образец для подражания ведущие западные страны. Перспективы развития связываются в социально-экономической области с утверждением модели капитализма, а в общественно-политической — модели либеральной демократии. Однако реформаторские проекты сталкиваются с реалиями российского цивилизационного уклада. Проектные перспективы оборачиваются комплексом неразрешимых в рамках новой парадигмы развития противоречий и конфликтов. Революции начала двадцатого столетия оказываются прямым результатом действия запущенных в ходе реформ процессов. Парадокс убийства «царя-освободителя» представителями освободительного движения находит свое объяснение. Самодержавие само вызвало к жизни те силы, которые стали представлять угрозу его собственному существованию.

Обнаружилось, что бывший крестьянин с трудом адаптируется к условиям городской жизни и конкуренции на рынке рабочей силы. Неадаптированность катализировала повышенную революционную активность новообразованного российского рабочего класса. Латентная ностальгия по общинному укладу деревни обуславливала особую популярность в России социалистических концептов. Возник феномен «русского социализма», специфика которого состояла в апелляции к коллективистским принципам функционирования общины.

³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. М.: Наука, 1954. С. 197.

Реформы были проведены таким образом, что материальное положение большей части российского населения существенно ухудшилось⁴. Крепостная зависимость заменялась на долговую. Социальная поляризация вызывает рост конфликтной напряженности между различными слоями общества. Пошедшее на обманную схему выкупных платежей государство теряет ореол сакральности и не может более брать на себя роль третейского посредника (а уж тем более гаранта социальной справедливости).

Особые схемы проведения крестьянской реформы на окраинах Российской империи усугублялись различием экономических укладов в регионах с преобладанием русского и, наоборот, инородческого населения. Различие норм хозяйственного и социального быта приводило к снижению уровня этнической комплементарности.

Целевой ориентир реформ — усиление позиций модернизированной России в мире — не только не был достигнут, а наоборот — произошло резкое снижение ее мирового значения как в политическом, так и в экономическом отношении. Увеличить посредством экономических стимулов производительность труда так и не удалось. В основе провала России в мировом экономическом рейтинге успешности было самоустранение государства от ряда управленческих функций. Либеральная концепция децентрализации управления обнаружила свою неэффективность. Возрастание степени открытости российской экономики крайне негативно сказалось на положении отечественного товаропроизводителя. Усиливаются позиции иностранного капитала, увеличивается зависимость государства от зарубежных кредитов.

После 1861 г. применительно к России фиксировался определенный спад производства, что традиционно объясняется трудностями реструктуризации крепостного хозяйствования. В течение некоторого времени положение стабилизировалось, и наблюдался экономический прирост. Впрочем, темпы развития национальной экономики в период правления Александра II оказались в сравнении с передовыми странами Запада столь незначительны, что уместнее было бы говорить о стагнации. Занимая к середине XIX в. второе после Великобритании

⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. Т. 1. С. 580.

место по объемам промышленного производства, Российская империя, ввиду стремительного рывка своих конкурентов, безвозвратно утратила свои былые позиции. К концу правления Александра II ее доля в мировом промышленном производстве составляла лишь 2,9%, что соответствовало пятой строчке в экономической иерархии государства. Вновь на второе место выведет ее в очередной раз ценой невероятных усилий советская индустриализация.

В 1873–75 гг. российская экономика была поражена первым за ее историю «капиталистическим кризисом». Характерно, что он сказался, прежде всего, на мелкой промышленности, фактически не затронув государственный сектор. С 1878 года, давшего 20% прироста промышленного производства, наконец-то начался подъем. Он соотносился с кардинальной сменой экономического курса, которая выражалась, во-первых, в существенном увеличении государственных заказов, обусловленных обстоятельствами русско-турецкой войны, и, во-вторых, резким ужесточением таможенной политики. Тем не менее экономический итог правления Александра II выражался в истощении платежных сил и всеобщем понижении благосостояния населения. Из двадцати шести лет александровского царствования только пять оказались бездефицитными. Общая же сумма дефицита превысила миллиард рублей⁵.